

УДК 72.03:726(47+57)

Нияз Халит – доктор архитектуры, профессор

E-mail: niaz_halit@rambler.ru

Казанский государственный архитектурно-строительный университет

ТРАДИЦИЯ МНОГОБАШЕННОЙ МЕЧЕТИ В АРХИТЕКТУРЕ ПОВОЛЖЬЯ

АННОТАЦИЯ

Исследование посвящено одному из традиционных типов татарской мечети, прослеживающемуся в архитектуре Поволжья с XII века до настоящего времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: многобашенная мечеть, татарская традиция.

Niyaz Halit – doctor of architecture, professor

Kazan State University of Architecture and Engineering

MULTY-TOWER MOSQUES TRADITION IN TATAR ARCHITECTURE OF VOLGA AREA

ABSTRACT

The study is focused on the traditional types of Tatar mosques прослеживающемуся in Volga area architecture since 12-th century till our days.

KEYWORDS: multy-tower mosques, Tatar mosques, st. Basil's church.

В богатой и многообразной архитектуре татарской мечети, отсчитывающей уже тринадцатый век своей истории, особняком стоит уникальный тип аль-Кабир с несколькими минаретами, последним воплощением которого стала уже знаменитая теперь мечеть Кул-Шариф в Казани (рис. 1). Рождение ее архитектурного образа, свидетелем и непосредственным участником которого мне довелось быть, может служить весьма показательной моделью того, как вообще появляются такие уникальные сооружения в мировой архитектурной практике [1, с. 233-250]. Понятно, что архитектурная идея и ее материальное воплощение в виде столь дорогостоящего эксклюзивного проекта не может быть плодом только случайной прихоти заказчика или изощренной фантазии архитектора, а должно иметь серьезную причину для своего появления и аргументированное обоснование выбранных форм. Это суждение следует отнести не только к мечети Кул-Шариф, но и к другим уникальным мечетям предшествующих эпох.

Многобашенная мечеть не редкость в мире Ислама и представлена разнообразной номенклатурой типов. В этом многообразии следует различать мечети с несколькими минаретами (рис. 2) и просто с многочисленными декоративными башенками, которые не имеют обрядового значения, а несут конструктивную или декоративную функцию (рис. 3, 4). Как известно, число минаретов любой мечети не может превышать число минаретов аль-Масджид аль-Харрам в Мекке (их у нее 7), а число прочих башен не ограничивается.

Многобашенные мечети Поволжья стоят особняком в ряду подобных сооружений других регионов и напоминают своей композицией архитектуру крепостных дворцовых и усадебных сооружений Переднего Востока. Судя по сохранившимся остаткам и сведениям, их необычная композиция не являлась чем-то случайным, а несет в себе определенную программу на всех уровнях (идеологическом, знаковом, традиционном, композиционном и т.д.), воспроизводя как вполне

Рис. 1. Мечеть Кул-Шариф в Казанском Кремле. Фото А. Халитова, 2006 г.

конкретные прототипы прошлого, так и некую абстрактную идею не совсем понятного пока происхождения. Все здания этого типа обладают некоторым сходством в планировке и общей композиции (каменный отдельно стоящий объем с прямоугольным, почти квадратным планом, четырьмя массивными угловыми башнями, зальной планировкой).

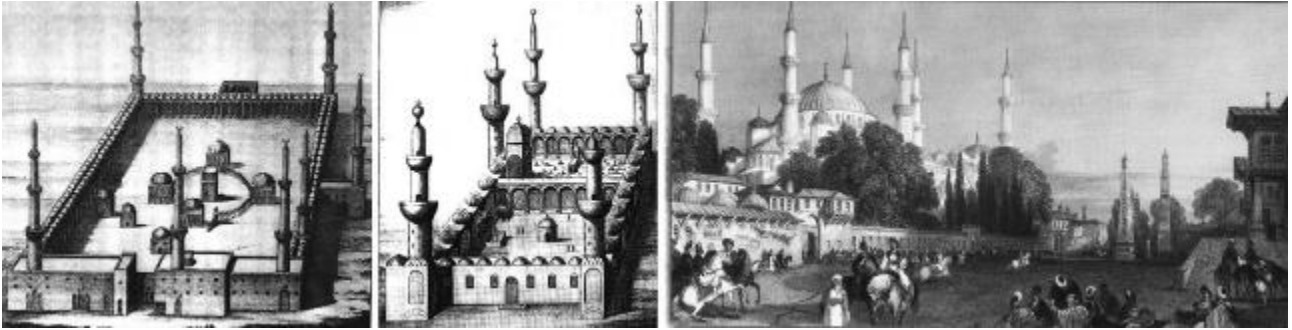

Рис. 2. Многоминаретные мечети: 1. Аль-Масджид аль-Харрам в Мекке (рисунок западноевропейского путешественника 18 в.); 2. Мечеть Пророка в Медине (рисунок западноевропейского путешественника 18 в.); 3. Султан Ахмет джами в Стамбуле (рисунок 19 в.)

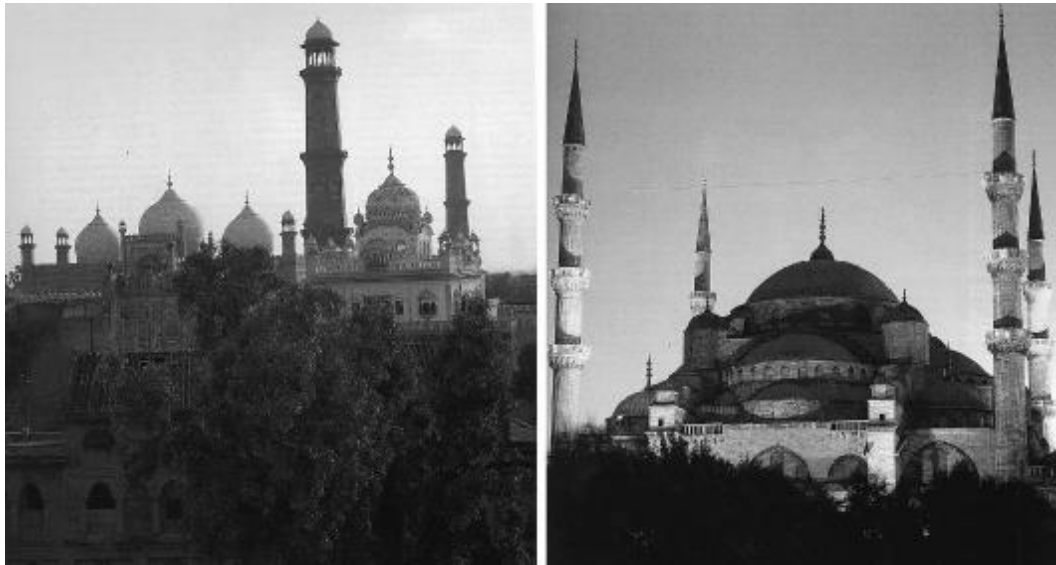

Рис. 3. Сочетания минаретов и башен: 1. Индия, г. Дели; 2. Селимие джами в Эдирне, Турция

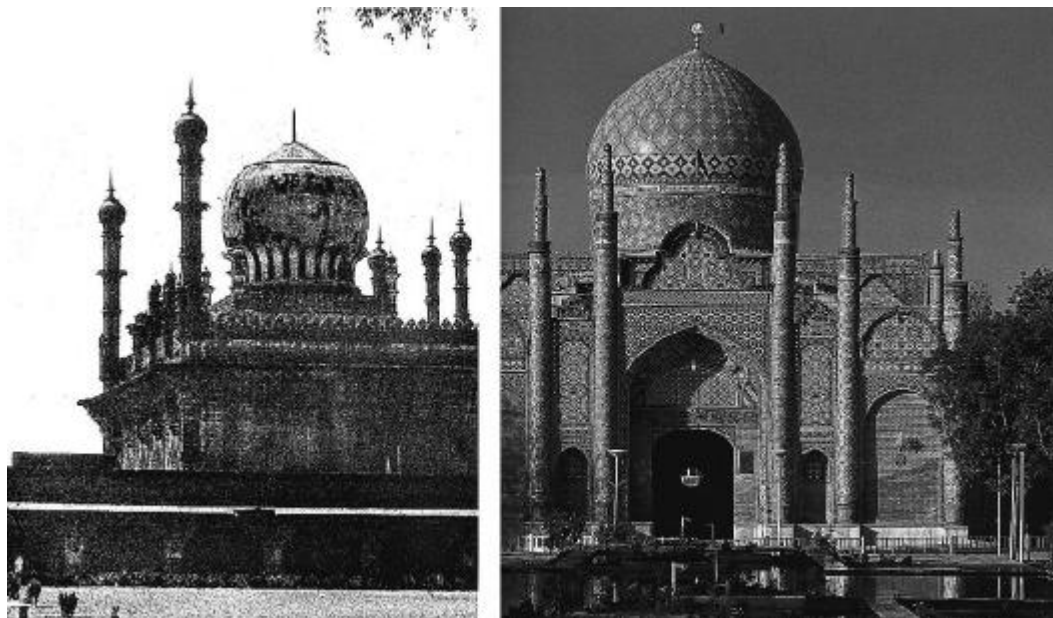

Рис. 4. Минаретоподобные башни в архитектуре мечетей: 1. Индия, г. Бишапур, мечеть Ибрагима, 14 в.; 2. Иран, Махан. Мавзолей Шах-Нематоллы Вали, 15 в.

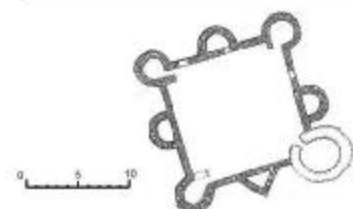

Рис. 5. Волжская Булгария аль-джами аль-Кабир, г. Алабуга, X-XII вв. Реконструкция Н. Халита

Рис. 6. Домонгольская мечеть на Чертовом Городище в Елабуге. Реконструкция Н. Халита

Первый достоверно зафиксированный памятник этого типа – домонгольская мечеть на Чертовом Городище в Елабуге (рис. 5, 6). Интригует ее загадочная, лишенная функциональной логики планировка с четырьмя угловыми башнями и четырьмя очень близко расположенными промежуточными полубашнями. Размеры, ориентация и выделенный объем михраба выдают в этом сооружении мечеть. Однако его необычная планировка, имитирующая крепостное сооружение, говорит о существовании более раннего и, вероятно, более масштабного прототипа, символически воспроизведенного на видном месте городской панорамы, а также о мемориальном характере этой мечети. X-XII вв., к которым относится это сооружение, – это период высокого развития исламского зодчества в регионах, непосредственно связанных политически и экономически с Волжской Булгарией. Формы и пропорции знаковых культовых комплексов того времени (мечети Калян, Магоки-Аттори и мавзолей Исмаила Самани в Бухаре) построены на методах математической гармонизации форм и в совершенной строительной технике, что является широко известным фактом. Булгария также была одним из продвинутых культурных регионов исламского мира и, безусловно, широко использовала мировой опыт строительства культовых сооружений. Вероятный внешний вид этой мечети, судя по сохранившимся остаткам, мог иметь достаточно стандартный характер для тюркского региона: кубический объем, увенчанный куполом или пирамидальным шатром на уплощенном восьмигранном ярусе. Любопытным конструктивным решением здесь могло быть использование примыкающих полубашен как средства для погашения распора купола при относительно небольшой толщине стены. Впрочем, вероятен и вариант деревянного купольного перекрытия по типу ранних арабских (Куббат ас-Сахра в Иерусалиме). Видимо, это сооружение имело для жителей этого булгарского города какое-то особое значение, поскольку в его археологических остатках читаются следы реконструкции еще во времена средневековья. Похоже на то, что после полного его разрушения одна из угловых башен была символически восстановлена в более массивных формах в виде отдельно стоящей башни (минарета) и сохранилась фрагментарно до наших дней.

Исходя из прослеживаемой закономерности, о которой будет сказано ниже, можно предположить существование подобного же по композиции сооружения и в архитектуре домонгольского Биляра. С.С. Айдаров видит угловые башни в археологических остатках деревянной домонгольской аль-Кабир первого периода ее существования [2, рис. 117 а].

Почти буквально воспроизводит в XIV веке елабужский прототип аль-Кабир города Булгар, повторяя его как в композиционном, так и в градостроительном отношениях (рис. 7). Главная мечеть этого богатого города, стоявшая на высоком берегу реки еще с домонгольских времен, в XIV веке была реконструирована, обретая новый интерьер и массивные угловые башни. Эти многогранные башни в виде усеченных пирамид были забутованы изнутри до самого верха и не имели ни оборонного, ни конструктивного значения. Возведение столь дорогостоящих элементов на уже существовавшей мечети без видимой необходимости носило явно символический характер и не может

быть объяснено косметическими нуждами или переменой стиля, поскольку они не имели прямых аналогий в господствовавшем тогда направлении сельджукизма. Их появление можно предположительно привязать к факту вероятного разрушения мечети в Елабуге или в Биляре (или и той и другой вместе), как какой-то пока не расшифрованный знак преемственности, когда характерный образ мемориальной мечети прошлого был воссоздан на центральной площади нового столичного города.

Рис. 7. Золотая Орда аль-джами аль-Кабир г. Булгар, XIV в.
Реконструкция Н. Халита

Рис. 8. Храм-памятник в честь завоевания Казани – собор Василия Блаженного на Красной площади в Москве (1558-62 гг.):
а) Композиционная аналогия: Мечеть в Куала-Лумпур, Малайзия;
б) Возможный прототип: многобашенная мечеть в Казани, композиционная идея.
Реконструкция Н. Халита

Привлекает внимание сообщение Ш. Марджани о мечети с восемью башнями в Казанской крепости. Преподнесенное им в виде пересказа народной легенды, оно находит подтверждение в формах храма-памятника в честь завоевания Казани – соборе Василия Блаженного, возведенного на Красной площади в Москве в 1558-62 гг. [3]. И вновь мы видим массивные многогранные башни-столпы, окружающие основной объем и формирующие запоминающийся мемориальный образ, в данном случае символизирующий побежденную Казань (рис. 8). В свете выдвигаемой гипотезы легко предположить, что главной идеей храма Василия Блаженного было воспроизведение этого же традиционного священного столичного мемориала казанских булгаро-татар в образе памятника в честь уничтожения татарской государственности, – так же, как и присвоение титула Царь Болгарский великим князем Московским с экспроприацией символа государственной власти – Ханской короны (Казанской Шапки). Отголоски легенды о казанской многобашенной мечети можно видеть в формах трапезной Благовещенского собора (по одной из версий построенного на месте мечети) и декоративных деталях Губернаторского дворца в Казанском Кремле (арх. Ф.И. Петонди, 1846 г.) (рис. 10).

В Новое время, когда строительство монументальных мечетей уже не велось и их традиция была утрачена, можно неоднократно наблюдать разнообразные версии многобашенной композиции в трактовке архитектурных элементов татарских мечетей России. Наиболее ярким примером воспроизведения прототипа в формах сельского народного зодчества можно считать мечеть в с. Субаш Ата Казанской губернии, запечатленную на старинном татарском шамаиле [см. реконструкцию Ф. Валеева – 4, рис. 53] (рис. 9). Уже сам факт ее воспроизведения на шамаиле говорит о ее особом значении, поскольку на них попадали в основном мечети, носившие особый статус (виды Мекки, Медины, Каира, Стамбула, Болгара). В это число попала и мечеть в, казалось бы, незаметной татарской деревне. Вполне вероятно, что именно знаковый характер ее образа и послужил тому причиной. В других случаях (Барудия в Казани, № 1 в Перми, мечеть в Санкт-Петербурге и др.) (рис. 11, 12) многобашенность лишь обозначалась как, скажем, часть композиции минарета. Надо полагать, с исчезновением многобашенной мечети как монументальной архитектурной традиции ее образ сохранился в народной памяти, проявляясь в желании символического его воспроизведения как элемента национальной архитектурной традиции во вновь строящихся мечетях.

Рис. 9. Реконструкция Ф.Х. Валеевым казанской главной мечети по рисунку на шамаиле 19 в.

Рис. 10. Многобашенная мечеть, архитектурная деталь на фасаде Губернаторского дворца и угловые башенки трапезной Благовещенского собора в Казанском Кремле (арх. Ф.И. Петонди, 1840-е гг.). Фото Н. Халита

Рис. 11. Отображение образа многобашенной мечети в архитектуре мечети Барудия в Казани (1805 г.). Фото начала 20 в.

Рис. 12. Отображение образа многобашенной мечети в архитектуре мечети № 1 в Перми. Фото начала 20 в.

Рис. 13. Отображение образа многобашенной мечети в архитектуре мечети Рамазан в Казани (арх. С.С. Айдаров). Фото Н. Халита, 1998 г.

Советское время сохранило образ многобашенной мечети как символа могучего булгарского государства предков казанских татар в образе его главного столичного сооружения, тщательно изученного археологами и многократно воспроизведенного в художественном, литературном и поэтическом творчестве, декоративно-прикладном и монументально-декоративном искусстве татар. В конце 1980-х гг. этот образ лег в основу эмблемы Духовного Управления Мусульман европейской части СССР и Сибири.

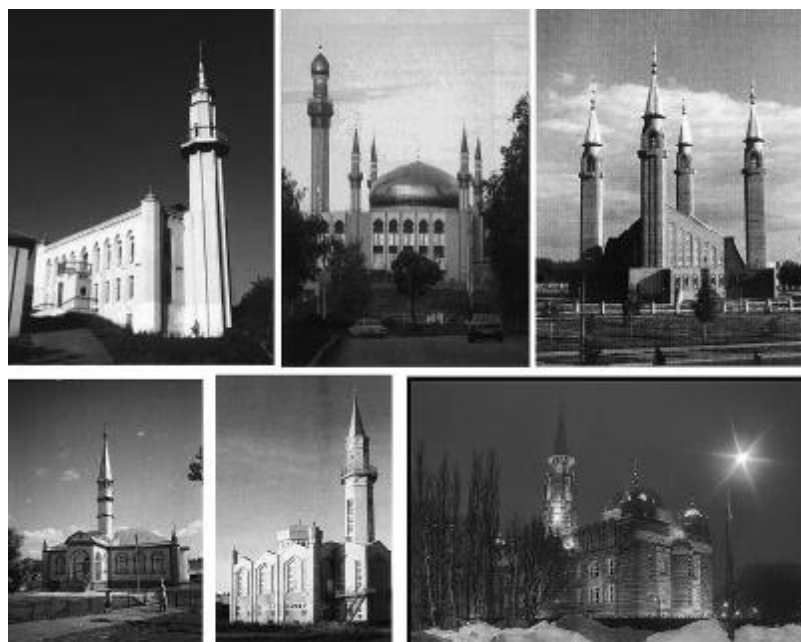

Рис. 14. Отображение образа многобашенной мечети в современной архитектуре.

1. Мечеть в г. Бугульме РТ, арх. Р.А. Мухаметшина, Н.Я. Гисматулин, 1990-е гг.
2. Мечеть Галеева в г. Альметьевске РТ, арх. А.М. Закиров, Ф.М. Мавлютов, 1990-1999 гг.
3. Соборная мечеть в г. Нижнекамске РТ, арх. Ф.И. Макуев, Ф.Г. Ханов, 1989-96 гг.
4. Мечеть в дер. Шишинер Балтасинского р-на РТ. Фото Н. Халита, 1987 г.
5. Мечеть в г. Менделеевске РТ, арх. Ф.Х. Закиров, 1995 г.
6. Мечеть в г. Самаре

В конце XX – начале XXI вв. можно наблюдать стихийное стремление к воссозданию образа булгарской Кабир во вновь строящихся татарских мечетях как на селе, так и в российских городах. Прямоугольные в плане здания мечетей символически снабжаются декоративными минаретоподобными башенками, явно навевающими воспоминания о разрушенной мечети в Булгарах (рис. 13, 14).

Наиболее значительным произведением архитектуры, программно воплотившим в себе названную традицию, стала мечеть Кул-Шариф в Казанском Кремле. Она возникла как результат осмысленного желания символически воспроизвести древнюю традицию многобашенной мечети в архитектуре Поволжья, прослеживающуюся на примере многих памятников в течение, как минимум, тысячи лет.

Обобщая изложенное, в многобашенной мечети названного типа можно увидеть некий символ поволжского ислама, неперемный атрибут булгарского, а затем и казанско-татарского столичного города, преемственно возникающий по мере разрушения прежней Кабир и переноса столицы. Его первоначальный прототип пока не найден. Можно предположить, что корни такой композиции лежат либо в одной из первых мечетей Волжской Булгарии, выстроенных по среднеазиатскому или арабскому образцам, либо некоем сооружении священного статуса, связанном с именем мусульманского святого или героических событий прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Халит Н. Полемика вокруг реконструкции мечети Кул-Шарифа в Казанском Кремле: политические аспекты защиты татарского архитектурного наследия / Ислам в татарском мире: история и современность (Материалы международного симпозиума. Казань, 29 апреля – 1 мая 1996 года). – Казань: Институт Истории АНТ, Французский институт исследований в Центральной Азии, Центр гуманитарных исследований // “Панорама-Форум”, 1997, № 12. Специальный выпуск. – С. 233-250.
2. Первоначальный вид деревянной мечети на Билярском городище по реконструкции С.С. Айдарова и Ф.М. Забирова // В кн.: Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X-начале XIII вв. – Казань, 2000.
3. Халит Н. Мечеть Кул-Шариф в Казанской крепости. Гипотезы. Факты. Размышления. – Казань: Иман, 1996.
4. Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарии. – Казань: Татарское книжное издательство, 1987.